

особенности если вспомнить огромные успехи в области науки, о которых автор говорит очень скупо.

Книга заканчивалась уже во время тяжелой болезни А. Б. Рановича, не могла быть им вполне обработана, и поэтому понятно, что в ней встречаются лакуны и некоторые неясности. Следовало указать, что покровительство Селевка Деметрию было очень непродолжительно (стр. 93). Неточно указание, что в битве при Рафии египтяне впервые участвовали в войске (стр. 121, но ср. стр. 174). Из изложения на стр. 188 сл. не видно, что александрийские граждане составляли лишь часть эллинского населения Александрии. Остался вовсе неиспользованным важнейший источник по экономической истории IV в. «Псевдоаристотелевская экономика» и пр. Все сделанные замечания не должны заслонить основных и больших достоинств книги А. Б. Рановича. Эта книга в большой мере подводит итог тому, что сделано по истории эллинизма (по крайней мере, для известной части этой истории) и, с другой стороны, она должна быть началом новых исследований, которые позволят еще глубже проникнуть в сущность изучаемых проблем и притти к их более убедительному решению. В этом отношении самые пробелы и недостатки рецензируемого труда окажут помощь науке, указывая на те трудности, которые встречаются на пути исследователя. Читатель не вправе ставить в упрек автору недостатки или неполноту изложения, так как ясно, что одному человеку не под силу преодолеть эти трудности, но он будет глубоко благодарен автору за то, что тот дал в своей интересной работе «нашей науке, нашему народу».

К. К. Зельин

*А. П. ОКЛАДНИКОВ, Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. История Якутии, т. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина, Якутск, 1949, тираж 8000 экз., цена 15 руб.*

Перед нами первый том большого капитального издания по истории Якутии. Работа в целом намечена как коллективная, но первый том написан целиком проф. А. П. Окладниковым. Якутоведческая литература в нашей стране довольно велика и солидна. История и этнография якутского народа изучены неплохо. Большая заслуга здесь принадлежит дореволюционным исследователям Якутии, особенно из бывших политических ссыльных. В советское время широкие экспедиционные исследования, ряд солидных монографий и публикаций материалов, а также работы молодых исследователей из среды самого якутского народа чрезвычайно обогатили данную область знания.

Однако древнейшее прошлое Якутского края и древнейшие судьбы якутского народа до самых последних лет оставались еще весьма слабо освещенными. Это белое пятно в якутской истории начало быстро заполняться только с развертыванием работ Ленской археологической экспедиции, возглавлявшейся автором рецензируемой книги А. П. Окладниковым. Работы эти проводились в 1940—1947 гг., и материалы их публиковались А. П. Окладниковым в специальных статьях и сообщениях. В настоящем издании эти материалы изложены полно и систематически, они-то и легли, по существу, в основу построения всего тома, посвященного раннему периоду истории Якутии и якутского народа — до присоединения края к Русскому государству.

Рецензируемый том производит прекрасное впечатление во всех отношениях. Солидность научного материала сочетается в нем с весьма удачной формой изложения — ясного и популярного, без малейшего упрощения. Первым несомненным достоинством книги является ее насыщенность конкретным фактическим материалом, который почти не оставляет места для абстрактно-социологической схематизации, столь нередкого гостя, к сожалению, во многих исторических трудах, посвященных далекому прошлому. Автор проявил здесь свою блестящую эрудицию во всем, что касается



памятников древней истории Якутии. Археологический материал в умелых руках А. П. Окладникова прекрасно сочетается с материалом этнографическим, фольклорным, частью и с языковым; автор весьма солидно эрудирован и в этих областях якутоведения.

Чрезвычайно важно, что изложение конкретного материала по якутской истории А. П. Окладников ведет на очень широком историческом фоне. Казалось бы, что для таких отдаленных эпох, как палеолит, даже неолит, трудно обнаружить прямые культурные связи населения Ленского края с обитателями других областей нашей страны: слишком удален географически этот край от основных культурных очагов Сибири и тем более Центральной Азии и Восточной Европы, и трудно предполагать наличие развитых средств сношений в ту эпоху. Однако автор успешно связал историю даже палеолитических племен бассейна Лены с культурной историей других областей Советской страны — вплоть до бассейнов Волги и Днестра. На основании фактического материала он приходит к важному выводу, что «древнейшие племена, проникшие к востоку от Урала в конце ледникового периода, сначала жили одинаковой жизнью с племенами Запада, не утрачивали связи с ними и обладали общим в основе культурным достоянием». Лишь через многие тысячелетия «немногочисленные, широко рассеянные на колоссальных пространствах Сибири... племена эти утратили непосредственную связь с населением западных стран. Обособленные от них на протяжении многих веков и даже тысячелетий, сибирские племена стали жить своей особенной жизнью, создали новую, во многих отношениях отличную от старой культуру» (стр. 52). Что же касается неолитической эпохи, то А. П. Окладников посвящает целую главу «связям неолитических культур Якутии с Западом и Востоком» (стр. 114—124). Это же он делает и для эпохи бронзы (стр. 165—177).

Но, прослеживая исторические связи, приводя многочисленные параллели излагаемым явлениям из других частей нашей Родины и даже за ее пределами, автор в то же время ни на минуту не забывает о конкретной специфичности исторического развития народов Якутии. Своеобразие и самобытность истории культуры этой страны отмечаются автором даже в тех явлениях, где особенно принято говорить о «заимствованиях», «влиятиях» и т. п. Это касается, например, бронзовой культуры, само существование которой на территории Якутии не было прежде известно и было открыто как раз экспедицией А. П. Окладникова; хотя связи этой культуры с параллельными культурами юга Сибири и несомненны, однако автор отмечает «оригинальный характер и местное происхождение» целого ряда элементов материальной и духовной культуры этой эпохи, включая даже некоторые детали самой техники металлических изделий (стр. 165). Что касается металлургии железа, то отвергается еще недавно господствовавшее мнение об очень позднем внесении ее на Лену какими-то завоевателями (стр. 180). Фактический материал, собранный и обработанный А. П. Окладниковым, показывает, что в верхнеленской, прибайкальской тайге железная техника «появляется не позже или лишь немногим позже, чем в соседних степях» (стр. 187), а оттуда она проникла и вниз по течению Лены, в Якутию (стр. 180).

Одной из наиболее интересных и ценных частей разбираемой книги являются разделы пятый и шестой — главы, посвященные вопросу о происхождении якутского народа. Об этой проблеме писалось, как известно, много; не раз касался ее в своих прежних работах и сам А. П. Окладников. Но едва ли где удавалось и ему самому так верно и ясно изложить этот чрезвычайно трудный и запутанный, несмотря на его кажущуюся простоту, вопрос, как это сделано им здесь.

Автор очень хорошо показывает сложность состава и происхождения якутской народности и якутской культуры. Наличие в ней «южных» компонентов, связываемых с скотоводческими культурами Южной Сибири, признавалось всеми и раньше. Но А. П. Окладников вполне правильно подчеркивает крупную роль «местных коренных элементов в составе самого якутского народа и его культуры»; он использует при этом и свои собственные материалы и результаты работ других советских исследователей. Этим до недавнего времени мало кем замечавшимся «северным элементом в культуре якутов» он посвящает особую главу (стр. 218—230). Что же это за элементы? По вер-



ному заключению А. П. Окладникова, в якутской культуре «отчетливо прослеживается вклад по крайней мере двух особых этнических пластов: тунгусских охотников и оленеводов, в глубокой древности вышедших из Прибайкалья, а затем коренных жителей Средней Лены — повидимому, юкагиров; сюда же в какой-то мере, может быть, вошел и вклад неизвестных нам палеоазиатских племен северо-востока — загадочных „чукчей“ юкагино-тунгусского фольклора» (стр. 218).

А. П. Окладников прослеживает этот «северный», аборигенный компонент в якутской культуре на бесспорном, убедительном археологическом материале. Ему удалось прекрасно показать прямую историческую преемственность между древними памятниками культуры Ленского края и позднейшей якутской культурой. Наиболее интересны в этом отношении исследованные автором древние поселения на нижней Лене, названные им «культурой малых домов». Носители этой культуры были еще лесными охотниками и рыболовами, они не были знакомы с домашним скотом, подобно позднейшим якутам, — и вместе с тем это были, несомненно, именно предки якутов, а культура их впоследствии влилась в культуру якутского народа; типологически родственным этой до-скотоводческой североякутской культуре был, видимо, быт так называемых «пеших якутов» XVII в., обитавших на Вилуйе и промывавшихся рыболовством. «Открытие... североякутских поселений, — справедливо пишет автор, имея в виду именно культуру «малых домов», — особенно важно потому, что до сих пор собственно якутская культура, известная по археологическим данным, казалась в корне отличной от всего, что ей здесь предшествовало. Невольно появлялась мысль о какой-то глубокой пропасти, отделяющей якутов от их аборигенных предшественников, о настоящей этнической катастрофе, сопровождавшей появление южных пришельцев на Лене» (стр. 367 сл.). Исследования А. П. Окладникова и его совершенно правильное изложение проблемы в настоящей книге тем и важны, что они рассеивают эти ложные представления об «этнической катастрофе» и помогают вернее понять непрерывный ход культурного и этнического развития, протекавшего на протяжении тысячелетий в бассейне Лены.

Интересно отметить, что А. П. Окладников едва ли не впервые в якутоведческой литературе использовал и якутский фольклорный материал, говорящий об аборигенных предках якутского народа. До сих пор исследователи обращали внимание только на те якутские легенды, в которых говорится о «южных» предках якутов — Омохой-Бае и Эллее. Предания о последних десятки раз приводились и цитировались многими авторами в подтверждение теории «южного происхождения» якутского народа. Но вот оказывается, что, наряду с этими преданиями об Омохое и Эллее, у якутов имеются легенды и о народах, искони живших на Средней Лене: о «хара-сагылах», «туматах», «сорталах» и др. (стр. 351 сл.). В этих легендарных племенах надо, несомненно, видеть древнее население Лены, может быть, носителей «культуры малых домов», которое впоследствии влилось в якутскую народность на путях ее формирования.

Что касается «южного» компонента якутской народности, то в вопросе о ней А. П. Окладникову не приходилось пробивать особенно новых путей; об этом «южном» слое якутской культуры писалось не раз. Однако и здесь автор вносит много нового. Он, в частности, обстоятельно обосновывает ту точку зрения (известную, правда, и раньше), что эти «южные» предки якутов, т. е. скотоводческие племена, переселившиеся из Прибайкалья на Среднюю Лену, исторически связаны, — а возможно и прямо тождественны, — с известным народом курыканов, упоминаемых в орхонских рунических памятниках VIII в., они же «гулигань» китайских хроник, они же носители хорошо ныне известной «курумчинской» культуры Прибайкалья VI—IX вв. (стр. 299—335).

Невозможно, конечно, исчерпать в короткой рецензии все огромное богатство исторического материала, собранного и прекрасно изложенного А. П. Окладниковым в настоящей книге. Трудно перечислить и отдельные проблемы ранней якутской истории, по-новому и солидно в ней трактованные. Но нельзя не отметить одного очень важного положительного качества книги: это последовательно выдержанное в ней единство концепции и построения, стройная и продуманная чисто историческая точка зре-



ния. Руководствуясь методом исторического материализма, автор ни на минуту не забывает об основной закономерности изучаемых им процессов: в основе их лежит развитие производительных сил тех человеческих групп, которые населяли бассейн Средней Лены.

В заключительной главе автор подводит общий итог прослеженному им ходу исторического развития якутского народа до прихода русских. Показывая еще раз ранние исторические связи Ленского края с другими областями нашей Родины, автор приводит своих читателей к пониманию закономерности и неизбежности наступления нового этапа якутской истории — включения Якутии в единое Русское государство. Это включение вовсе не было чисто внешним «завоеванием»; напротив, исторические предпосылки объединения были заложены глубоко в древнейшей культурной истории Якутского края, издавна и неотрывно связанного с другими частями нашей страны.

По сравнению с указанными выше существенными достоинствами книги А. П. Окладникова недостатки ее невелики.

К числу их надо отнести прежде всего небольшой остаток того социологического схематизма, которым еще недавно грешили многие археологические работы; сейчас он встречается, к счастью, довольно редко. В самом тексте рецензируемой книги этого схематизма, пожалуй, и нет. Но он остался в некоторых заголовках, долженствующих обозначать периоды истории Якутии. Таковы заголовки раздела второго «Материнский род на территории Якутии в эпоху расцвета» и раздела третьего «Приленские племена в эпоху отцовского рода». Еще недавно наши археологи любили подробно описывать в своих работах разные «материнские роды» и «отцовские роды» на той или иной территории, которых никто из них, конечно, никогда не видел, но в существовании которых никто нисколько не сомневался. В тексте рецензируемой книги А. П. Окладникова нигде не говорится о материнских и отцовских родах, — и правильно, ибо никто, конечно, не знает, когда и у каких предков якутов была та или другая форма рода. Лишь один, кажется, раз, притом вскользь и по косвенному поводу, упоминает автор о смене материнского рода отцовским (стр. 164). Таким образом, в самом тексте книги этих дедуктивно постулируемых форм родовой организации почти нет, но в заголовках они каким-то образом остались. Под «материнским родом», надо, очевидно, разуметь эпоху неолита (что и сказано в подзаголовке), а под «отцовским родом» — эпоху бронзы.

Другой недостаток книги — некоторая неясность в определении того общественного строя, который сложился у якутов перед приходом русских. В понимании характера этого строя между советскими историками существуют, как известно, некоторые разногласия: одни склонны видеть в этом общественном строе черты феодальных порядков, относимых ими еще к до-русской эпохе; другие отрицают наличие таких черт в ту эпоху и склоняются к той мысли, что общественное развитие направлялось по пути рабовладельческих отношений. Автор рецензируемой работы постарался, видимо, остаться в стороне от этого спора. Термина «феодализм» он не употребляет, но и о рабах говорит лишь вскользь (стр. 422). Повидимому, автор понимает общественное устройство якутов накануне прихода русских, как переходное, с неизжитыми еще родо-племенными отношениями, но с выросшими уже классовыми противоречиями. Однако полной ясности в этом вопросе нет, и можно лишь пожалеть, что автор почему-то избегает даже упомянуть о существующих по данному вопросу точках зрения. Он ограничивается ссылкой на свою собственную статью в журнале «Советская этнография» (1947, № 2), где, однако, изложение проблемы тоже, к сожалению, далеко от ясности.

Некоторые возражения вызывает и трактовка автором проблемы этногенеза якутов, правда, лишь в отдельных частностях, ибо в целом, как уже говорилось, проблема эта разработана у А. П. Окладникова чрезвычайно солидно.

Из неясностей в этой проблеме можно указать, например, на то, как автор понимает историческое взаимоотношение между древними курыканами и современными якутами и бурятами. Связывая тесно курыкан с якутами, он в то же время недооценивает связь, которая, несомненно, существовала между теми же курыканами и сменявшими их на той же территории — в Западном Прибайкалье — бурятами. По мнению



автора, курыканы, как тюркоязычный народ, перестали существовать на этой территории довольно рано: уже в X—XI вв. население здесь подверглось монголизации. Об этом автор заключает из сравнения инвентаря Сэгэнутского могильника (как раз этого времени), заключающего в себе, по словам автора, инвентарь, резко отличающийся от форм прежней курумчинской культуры. Он полагает поэтому, что «тюрков-курыканов на Верхней Лене сменили какие-то древние монголы» (стр. 329—330). Эти-то «древние монголы», вклинившись хронологически между прежними курыканами и позднейшими бурятами, разорвали прямую историческую связь между теми и другими. Однако какие данные есть у А. П. Окладникова, чтобы так уверенно говорить о монголизации населения Западного Прибайкалья еще в X—XI вв.? Изменение форм материальной культуры, в частности, погребального инвентаря еще ничего не говорит по этому поводу: такие изменения возможны ведь и без смены языка. Говорить же о монголизации Западного Прибайкалья в это раннее время, думается нам, очень трудно. Ведь известно, что монголизация самой Монголии началась лишь в X в., — до этого по всей Монголии господствовала тюркская речь. Распространение в этой стране монгольского языка было связано, повидимому, с киданским завоеванием, — впрочем, даже и монголизм киданей признается не всеми исследователями. Очень трудно предположить, что сила экспансии монгоязычных племен, до этого почти неизвестных, оказалась сразу так велика, что в том же X в. они сумели ассимилировать и население Западного Прибайкалья. Другое дело — XIII в., эпоха Чингис-хана и его преемников. В это время сама Монголия была давно и прочно монголизована, все Прибайкалье вошло в орбиту политического влияния новосозданной империи; более естественно предположить, что монголизация населения и этой страны произошла в эту эпоху.

Сам автор признает — и даже подчеркивает — наличие значительных языковых связей между западными бурятами и якутами (несмотря на принадлежность первых к монгольской, вторых — к тюркской семье языков), а также заметную общность антропологического типа (стр. 335). Казалось бы, это обстоятельство должно бы побудить А. П. Окладникова признать более близкую историческую связь между курыканами и бурятами, — ведь с его же точки зрения именно курыканы должны считаться посредствующим звеном между якутами и бурятами. Однако автор, видимо, не придает особого значения этой связи. Хотя он и признает, что «на Лене долгое время еще продолжали обитать какие-то потомки древних курыканов» со своими культурными традициями (стр. 333), — но, видимо, предками бурят он их не считает. Он говорит, что буряты, возможно, «з а п м с т в о в а л и» элементы оседло-земледельческой культуры «у своих п р е д ш е с т в е н н и к о в» — курыканов (стр. 334), вместо того, чтобы сказать, что буряты «у н а с л е д о в а л и» земледельческую культуру «от своих п р е д к о в» курыканов.

Очень трудно согласиться с некоторыми взглядами автора на самое время переселения «южных» предков якутов на Среднюю Лену. Опираясь на одно из преданий, записанное Яковом Линденау, А. П. Окладников предполагает, что «последняя и самая важная» составная часть якутского народа («люди Эллея») переселилась из Прибайкалья на Среднюю Лену всего за два поколения до известного Тыгына (жившего в годы появления на Лене русских, т. е. около 1630 г.); иначе говоря, он относит это последнее большое движение предков якутов с верховьев Лены к началу XVI в. (стр. 380 сл.). Это весьма мало правдоподобно. Известно, что генеалогические предания народов далеко не всегда представляют собой такой надежный источник, особенно в том, что касается счета поколений; совсем не редкость, что хранимая в памяти генеалогия искусственно удлиняется путем вставления фиктивных имен; еще легче она может укорачиваться вследствие забвения тех или иных имен предков. Разные варианты записанных генеалогий Тыгына дают весьма различное количество поколений между Тыгыном и его предком Эллеем; почему же самым достоверным вариантом должен считаться самый короткий? С другой стороны, известно, что уже в момент прихода русских степень этнического, языкового, культурного единства якутского народа была весьма велика; вряд ли можно предполагать, что формирование этого народа происходило или заканчивалось всего за два поколения перед тем.



Не слишком убедительно и мнение А. П. Окладникова о ведущей роли племен кангаласов в этногенезе якутов (стр. 380). Кангаласы были многочисленным и сильным племенем, но нет никаких доказательств, что именно они были «основными носителями тех южных культурных элементов, включая и тюркскую речь, которые прочно определили основной характер позднейшей якутской культуры». Думается, что автор здесь сильно переоценивает культурную и этническую роль кангаласов.

Какая-то неясность допущена автором в использовании одного из якутских преданий. Если верить ему, в числе предшественников якутов на Лене были какие-то («загадочные» по автору) «сахалыры» (стр. 378). Но ведь слово «саха», «сахалар» — это и есть самоназвание якутов. Ясно, что здесь налицо путаница, вкравшаяся при записи или при переводе предания.

Не будем перечислять некоторых других подобного же рода неточностей, оставим в стороне и отдельные не вполне убедительные положения. Они несущественны. Большая часть их касается материала, заимствованного автором из той или иной смежной для него отрасли знания — из языка, из этнографии. Местами в этих вопросах автор заплатил дань марризму, долго владевшему умами некоторых наших ученых, впрочем, дань не очень значительную (стр. 162, 201).

Подобные недочеты с избытком окупаются огромной ценностью изложенного в книге А. П. Окладникова материала, глубоко продуманного и прекрасно поданного.

Как особое достоинство книги следует отметить, в частности, именно блестящий литературный стиль изложения. Автор — мастер русского литературного языка, и читать его текст с этой стороны порой просто приятно. К числу немногочисленных погрешностей стиля можно отнести разве одну постоянную ошибку (к сожалению, очень часто многими допускаемую): употребление русских местных названий среднего рода как несклоняемых. Автор пишет: «очаг, найденный в Макарово» (стр. 48, то же стр. 49), «рисунок из Шишкино» (стр. 39), «вблизи Шишкино» (стр. 83) и т. п. Автор должен был бы знать, что и эти и все другие слова — неинностранного происхождения — в русском языке прекрасно склоняются.

В общей сложности следует приветствовать столь удачное начало большого и важного издания — истории Якутии. Судя по этому началу, Якутская АССР получит не менее солидный обзор ее исторического прошлого, чем аналогичные издания целого ряда других советских республик.

*С. А. Токарев*

## *ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА В «УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ» УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДИНСТИТУТОВ*

Большинство археологических статей, появившихся за последние два года, посвящено изучению древнейшего периода нашей Родины. Все археологические памятники, независимо от того, открыты ли они давно или только что раскопаны, изучаются авторами статей не вещеведчески, а исторически, вследствие чего археологические статьи у нас стали неотъемлемой частью исторических выпусков «Ученых записок». Как положительный факт следует отметить выпуск Ленинградским университетом специального тома «Ученых записок» (1949 г., вып. 13), посвященного археологии. Основным недостатком некоторых археологических статей является то, что отдельные археологи изучали материал, исходя из порочной теории Марра о «стадиальности». Далеко не все статьи снабжаются графическим материалом, крайне необходимым в археологических работах. На страницах «Ученых записок» хотелось бы также видеть статьи, посвященные методике археологических работ.